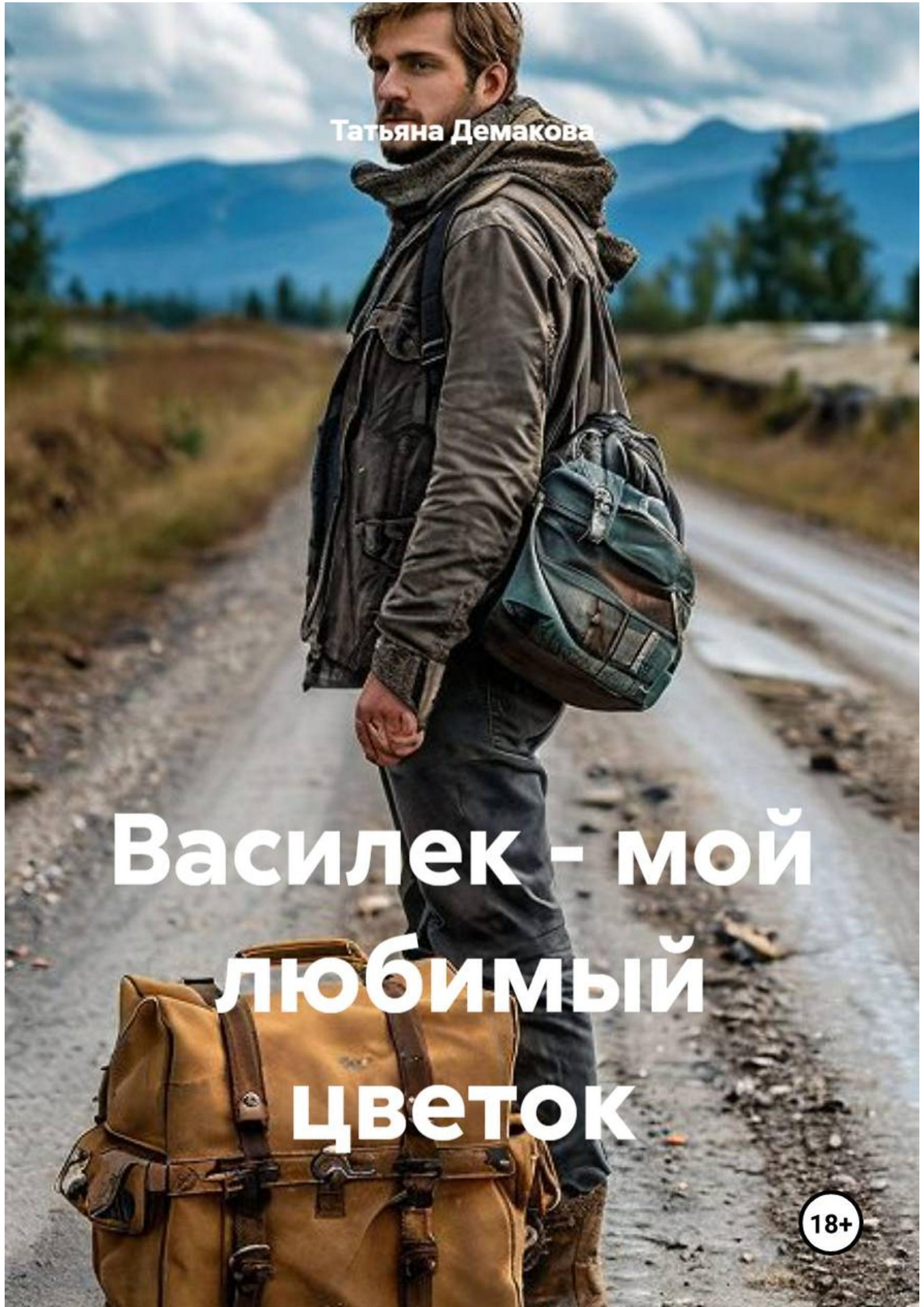

Татьяна Демакова

Василек – мой любимый цветок

18+

Татьяна Демакова

Василек - мой любимый цветок

«Автор»

2026

Демакова Т.

Василек - мой любимый цветок / Т. Демакова — «Автор», 2026

Вася, Василек, он же Василий Леонидович. Мужчина симпатичный, добродушный, со своим особым бизнесом решил найти женщину для серьезных отношений. Свою биографию и фото он разместил в местной газете в разделе Знакомства. Женщины стали откликаться. А одна - бойкая красавица нагрянула с визитом. Вася влюбился. Но у красотки был свой сценарий.

Татьяна Демакова

Василек - мой любимый цветок

Будильника Василий не признает.

- Зачем вам этот трезвон? – удивленно распахивает светлые глаза, опущенные рыжими ресницами, наблюдая, как соседка Аня, стоя у телефона, яростно накручивает заводной механизм пузатого зеленого будильника.

Аня, черноволосая, темноглазая девица, недовольно дергает худым плечом. Ей не нравится, когда кто-нибудь, а тем более Василий, начинает поучать.

- Если в голове будильник не заведешь, ни от какого сигнала не поднимешься! – терпеливо, как врач больному, продолжает Василий.

- Но я-то просыпаюсь! – Анины черные брови возмущенно ползут к переносице.

- Не просыпаешься! – почти по слогам произносит Василий. – Сонной мухой по жизни ползаешь. Я вот вчера в метро ехал – все спят. Зачем тогда, спрашивается, из постели вылезли?

- Вам хорошо рассуждать, - злится Аня, - у вас график свободный. А, если бы как мне, ровно в восемь тридцать нужно на рабочем месте быть! На минуту опоздаешь – в проходной быстренько отметину шлепнут в пропуск.

- Ну, ты меня поражаешь, - Василий улыбается. Верхняя губа поднимается к носу, открывая крупные, желтые, крепкие, как чесночины, зубы. – Человек сам себе хозяин. Скажи, кто тебя заставляет работать на твоём заводе? Никто!

Аня разозлилась не на шутку. Прищулив глаза, пошла в наступление.

- И давно вы таким правильным стали? А, дядя Вася? – при этом она звонко щелкнула пальцем по шее, изображая вечный зов алкашей. – Давно не похмелялись?

Ядовитая девица! Василий отошел к своему столу, сделав вид, что обиделся.

В это время на кухню вошла маленькая старушка. Она в опрятном, даже кокетливом фартуке, отороченном по подолу кружевами. Седые волосы аккуратно расчесаны на пробор и убраны в крепкую каральку на затылке.

- Добрый вечер, Никитична! – Василий добродушно поприветствовал соседку.

- Вечер-то добрый. Но сколько раз я просила вас не называть меня так!

- А как? – округлил глаза Василий, незаметно подмигнув Ане.

- Аделаида Никитична, - громко выговаривает старушка.

- Ну, ладно, ладно, - Василий осторожно тушит сигарету и оставшийся крохотный окурочек укладывает в коробку из-под конфет. С удовольствием рассматривает лежащие в коробке хабарики. – Вот наборчик! Прямо ассорти международное. Хотите угощу? – подсовывает коробку под нос старой соседке.

Гримаса ужаса и брезгливости искажает сморщенное личико.

- Оставьте ваши шуточки, Василий Леонидович. С недавних пор я не переношу запаха табака и алкоголя.

- А говорили, что курили в молодости, - неизвестно зачем вторгается в беседу Аня.

- Да, Анечка, была такая глупость. Разве можно исправить те ошибки! – Аделаида Никитична отвлеклась от терки, на которой натирала яблоко и морковь. – Да, разве молодость думает, как будет расплачиваться за свои грехи?

- Да, - вздыхает картинно Василий, - ни одна утеха молодости не сравнится с хорошим стулом в старости, - нравоучительно изрекает в сторону Ани.

Аня прыскает в кулак, как девчонка.

- Мы с вами, Василий Леонидович, уже несколько десятков лет делим квадратные метры коммунальной кухни, - Аделаида Никитична театрально взмахивает вверх руками, - и никак

мне не внушить вам правила приличного тона. Хотя матушка-то ваша была очень деликатная и воспитанная женщина.

- А вот мы не графье получились, извиняйте, - ерничает Василий. – Да, кстати, девочки, я уже сегодня две смены отпахал. Хорошо отоварился. И для вас кое-что по дешевочке приобрел.

Он достал из большого полиэтиленового пакета упаковки сосисок, большой шмат сала, несколько помятых банок со шпротами.

- И почему? – Аня тычет пальцем в сосиски.

- В пол-магазинной цены, - Василий торжествует.

- Я, пожалуй, возьму, а салыце почему?

- Да, тоже дешево.

- Везет нам, дядь Вася, вас на секретном производстве снабжают дешевыми продуктами, и нам перепадает, - Аня сосредоточенно рассматривает жестяную банку с консервами. – Взять что ли, к праздникам?

- Бери, бери. Я не жадный, - Василий аккуратно расправляет денежные купюры. Одну проверяет на свет.

Через час он выходит из дома. Для выхода в свет Василий приодевается. Сегодня на нем черная футболка с большими иностранными буквами, бордовый замшевый пиджак, зеленые шерстяные брюки. Брюки длинноваты, но Василия это не смущает. Он лихо завернул штанины и объясняет всем.

- Брюки у меня моднявые, с манжетом. Штиблеты тоже шикарные. Чистейшая кожа, - он лихо отстукивает чечетку, - звук-то какой. Он уверен, что никто не замечает, что туфли на несколько размеров больше, чем ему требуется. В тупорылые кожаные носы он забил скомканную газету.

- Да ты приоделся, я смотрю, - недовольно встречает его на пороге квартиры Ася, жена корешка Василия.

- Где твой-то! - не замечает сердитых бровей хозяйки нарядный гость.

- Где ему быть? Дрыхнет. С утра нажрался опять. До чего ж вы мне, алкаши, надоели. Ты-то, смотрю, завязал что-ли?

- Я сам себе удивляюсь, - Василий улыбается своему отражению в зеркале. - Как работенку интересную нашел, так и жизнь иная началась. Вот к вам опять с гостинцами пришел, как добрый Дед Мороз.

Ася морщится, но с любопытством заглядывает в полотняный мешок.

- А чего ты недовольство на фейсе изобразила? Все чистое, первый сорт, не с дворовой помойки же...

- А то я не знаю откуда! – возмущается Ася.

Василий выкладывает свертки на полку под зеркалом.

- Ну я пошел, а Сереге привет!

- Как же, нужен ему твой привет. У него одна опохмелка в голове будет, - несется вслед сердитое бормотание.

Опохмелка, опохмелка... Несколько месяцев назад с нее и началась другая жизнь Василия Петухова.

Ранним утром очухивался он в садике после очередного загула. Мерзкий октябрьский дождик заползал во все дыры прохудившегося пиджачишки, хлюпал в ботинках. Но слякоть эту небесную можно было пережить, а скверную муторность изнутри просто не вынести. И поправить состояние было невозможно, в карманах не звенело даже мелочевки.

Василий мучительно соображал, куда податься. Всем давним и недавним знакомым он прочно задолжал, никому из них уже нельзя и на глаза показываться. Стоять у пивного ларька, ожидая, что кто-нибудь угостит, бесполезно. Гады-торгаши цены так подняли, простому человеку не выжить! От отчаянья Василий принялся скулить, как пес.

И вдруг над самым ухом раздалось деликатное покашливание.

- Отдыхаем?

Василий приоткрыл глаз. Ну и морда! Блин какой-то. А в нем запеченные изюминки черных глаз. Такую физиономию не удостоил Василий ответом. И так тошно.

- На, держи! – Блин улыбался, протягивая небольшой флакончик.

Василий открутил серебристую пробку, потянул носом. Запах незнакомый.

- Да ты не брезгуй, чистая Франция!

Рука Василия подрагивала, а внутри все клокотало. Церемониться не было сил. Он запрокинул голову. Большая душистая капля приятно пощекотала гортань и сладкой змейкой поползла к желудку.

- Да, - попытался улыбнуться Василий, - хорошо буржуи живут.

- Ладно тебе горевать, у нас тоже жить можно, - Блин расстелил на скамейке полиэтиленовый пакет, щелкнул кнопкой зонтика, заботливо придвинул над мокрым плечом Василия. – Люблю посидеть, помечтать среди природы, - произнес задумчиво.

- А я бы еще выпил, - выпалил Василий.

Сладкая капля, видно, была маловата и остановилась где-то на полпути. Промозглая тоска не уходила из организма.

- Сейчас сообразим! – Блин раскрыл большую синюю сумку и начал доставать разные флакончики и баночки. – Во, «Гвоздика», пол фуфыря. Тебе хватит?

Василий с жадностью смотрел на желтую жидкость.

Одеколон сотворил свое верное дело. Почувствовав себя человеком, Василий готов был расцеловать своего благодетеля. Затянувшись беломориной, он начал философствовать о политике, о жизни, о женщинах.

Блин не прерывал эмоциональных речей, лишь изредка улыбался понимающе.

Неожиданно дождь из мелкой мокрой пыли обратился в упругие струи. Черная лапа зонта уже не спасала от назойливой влаги.

- Пошли ко мне на хату, - гостеприимный Василий схватил за рукав нового приятеля. – Здесь недалеко.

По дороге он успел рассказать, что вот уже год живет один. Матушка, царство ей небесное, скончалась от продолжительной болезни. Соседки – бабы славные, побаиваются и уважают Василия.

После промозглого октябрьского дня в убогой комнатке Василия показалось тепло и уютно.

- Хоромы, а? – Василий щелкнул выключателем.

- С улицы пришли, теперь и покушать не грех, - Блин пошуровал в своей сумке и достал начатую пачку вермишели и кусок вареной колбасы.

- Фартук есть? – гость обернулся к Василию, сосредоточенно перебиравшему окурки в трехлитровой банке.

- Чего, чего? – удивился Василий. – Тебе, может, и белый халат нужен? – попытался связать. – Так нет и такового, - вздохнул Василий, думая, как быстро закончились все матушкины вещи, которые можно было продать.

- Ладно, - Блин подвязал на брюки серое вафельное полотенце и уверенно, будто всю жизнь провел в этой квартире, вышел на кухню.

- Что за дела? – Аня стремительно подскочила к Блину. – Кто разрешил мою кастрюлю трогать? Еще чего не хватало, всякие алкаши будут мою посуду хапать.

- Виноват! – Блин незлобиво обратился к Ане. – А где посуда моего родственника?

- У него и спрашивайте!

Выяснилось, что и посуда вся продана, а деньги давно уже пропиты. Это обстоятельство не смутило Блина. Он сварил вермишель в чайнике, а колбасу поджарил на уцелевшей большой крышке.

Василия разморило от горячей пищи. Веки как-то внезапно отяжелели, и он уснул прямо за столом, уронив голову на замызганную клеенку. Проснулся он посвежевшим, но долго не мог вспомнить, где он и кто с ним. Напротив сидел незнакомый мужик, развернув газету, смешно шевелил губами.

Кто это? Потом в памяти стали собираться кусочки, как в детском калейдоскопе. Два дня подряд они гуляли у Тоньки, потом к ней появился какой-то хахаль, и Тонька, подлая душа, заявила Василию, что он третий лишний. Сил идти домой не было, он покемарил в подъезде, потом дышал свежим воздухом в парке, а затем и нарисовалась рядом эта плоская морда. Может, бандит какой?

- Слушай, мужик! – Василий попытался сказать грозно. – Ты чего здесь делаешь?

Блин отложил газету, аккуратно сложил ее.

- Жду, когда ты проснешься. У меня уже все готово. Не хотел тебя тревожить, уж очень сладко ты спал, - он поднял полотенце, и Василий увидел на своем столе незнакомую посуду: кастрюлю, сковородку, чашки, тарелки.

- Поужинаем?

- Как поужинаем? Утро ведь вроде, - Василий потер глаза.

- Ты, как сурок, весь день проспал, - Блин засмеялся, - а я, видишь, как перелопатил все, - он с видимым удовольствием обвел взглядом комнату.

Василий проследил за его взглядом. На кровати вместо полосатого матраса – всего, что осталось от бывших спальных принадлежностей, красовалось розовенькое покрывало, на взбитой подушке лежала тюлевая накидушка. Букет гвоздик в бутылке украшал комод.

- Мусор пришлось в двух мешках выносить. Ведро в туалет оттащил, бросай эту привычку в комнате мочиться. Понял? – строго спросил Блин.

- Да иди ты, - разозлился Василий, - кто ты мне? Раскомандовался, видишь ли, здесь!

Василию очень хотелось выпить, все остальное ускользало из сознания. Подумаешь, какие-то простынки, цветочки! Внутри пожар, гасить нужно.

- Кто я? – Блин прищурил свои раскосые глаза. – Считай, что в моем лице ты встретил ангела-спасителя.

Василий спорить не стал, потому, как увидел, что Блин достает из сумки какую-то бутылку. Он налил Василию в стакан.

- Подлечись!

- А ты? Подшился что-ли? – Василий понимающе крикнул.

- Считай, что так. Ты ешь, ешь, - Блин заботливо накладывал на тарелку картофельное пюре, жареную рыбу, соленую капусту.

Странно, то ли закуска была такая сытная, то ли напиток какой-то непривычный, но второго стакана Василий не попросил. А Блин и не думал предлагать еще.

- Вот чай я полюбил недавно, - Блин с наслаждением принюхивался к струйке пара, поднимающейся из чашки. – И ты скоро полюбишь, - он прикрыл глаза. – Я, Вася, вот что тебе скажу. Уеду я денька через два, а дело свое, так называемое «секретное производство», тебе передам. Ты – хороший человек. Я это сразу понял, как увидел тебя на скамейке под дождем. Слабый малость духом, но дело тебя поднимет.

- Что за дело-то? – лениво и недоверчиво спросил Василий.

- Завтра и узнаешь! А сейчас в душ и спать.

- Командир нашелся! – проворчал Василий, но пошел мыться, тем более, что не помнил, когда в последний раз совершал этот обряд.

- Держи! – Блин протянул чистое полотенце, трусы, носки и кусок земляничного мыла.

В пять утра они пошли на дело.

- Пункт первый – «Остров сокровищ», - солидно пояснил Блин. – Во время операции слушай только меня и действуй строго по команде.

Василий совсем не представлял, что они будут делать. В голове бродил сонный туман, руки и ноги были, как ватные.

- Зайдем наблюдательный пункт и подождем, - учил Блин. – Народ у нас не всегда по точному расписанию работает!

- Куда смотреть-то? – Василий вертел головой, пытаясь выглянуть из-за кустов сирени.

- Тихо, тихо. Так, клиент появился! – Блин довольно потер руки.

Клиентом оказался тщедушный мужичишка, кативший перед собой металлическую телегу, на которой стояли длинные бачки и большие бумажные пакеты. Мужик, подкатив телегу к открытому контейнеру для мусора, кряхтя, стал вываливать содержимое бачков и пакетов.

- Ну, шевелись, шевелись поживее, - шепотом поторапливал мужика Блин. – Кряхтишь, еле двигаешься, а наше время с Васей выходит.

- Так, мы, что помойку потрошить будем? – осенило Василия. – Не, тут я тебе не товарищ!

- Поговорим потом. Вперед! – по-мальчишески азартно крикнул Блин. Он сунул в руки Василия большой металлический крюк. – Делай все то же, что и я.

Он в два прыжка оказался возле контейнера, водрузился на специально принесенный ящичек и быстро-быстро стал шуровать крюком, подхватывая какие-то свертки, тряпки, ловко перебрасывая их в синюю сумку, закрепленную на плече.

- Ну, чего ты замер? – Блин с укором покосился на будто онемевшего Василия, - пошпуди-ка в соседнем контейнере.

- Не могу, - выдавил Василий.

- Ничего, ничего, я тоже таким аристократом начинал, - тихо приговаривал Блин и складывал, и складывал тряпье в свою будто бездонную сумку.

Внезапно он спрыгнул с подставки, резко дернул Василия.

- Финиш! Наше время истекло, мотаем удочки, - он побежал, увлекая за собой Василия. Запыхавшись, они завернули за угол к тем кустам, откуда начиналась авантюра.

- Смотри, - Блин махнул в сторону помойки.

Василий обернулся. Вокруг бачков, будто стая голодных ворон, копошились люди.

- А мы-то, мы-то, как всех обогнали, - сияя глазами, радовался Блин. - Где товар смотреть будем? Дружище, чувствуется, сегодня нам подфартило.

Василий еще не пришел в себя.

- Че там смотреть, - надул он брезгливо губы, - выкинуть сразу можно, - буркнул сердито, вспомнив какие непонятные предметы исчезали в сумке Блина.

- Ты неправ. Улов у нас нынче богатый. Ты даже глаза не открыл, не усек, что работали мы у гостиницы. Так что у нас все импортное.

Они вскоре пришли в комнату Василия. По дороге Василий молчал, про себя злился: «Тоже мне дело нашел, растрезвонился! Лучше бы выпили... Гнать его нужно, помоечника грязного».

- Сначала чаю попьем, а потом сортировкой займемся,- Блин явно был на подъеме.

А вот Василию и горячий сладкий чай настроения не поднял.

- Ну, к делу! – Блин запустил руки в свою сумку.

И вот тут на глазах Василия свершилось чудо. Вещи из вонючего контейнера оказались действительно вполне приличными. Как фокусник, встряхивал Блин тряпками.

- Ну-ка примерь!

Василий понюхал футболку с иностранными буквами.

- Пахнет клево!

- Тут и портки для тебя, - Блин щелкал молнией на зеленых брюках. – Иностранцы себя любят и шмотье до дыр не занашивают. Видишь, - показал две точки с булавочную головку, - прожег, видно, пеплом сигареты и швырнул в мусор, не заплатки же ставить.

Открыв рот, Василий наблюдал за манипуляциями Блина, который ловко раскладывал шмотки по стопкам, раздельно женское, детское, мужское.

- Слушай, - вдруг осенило Василия, - а чего гостиничные себе не берут?

- Ха! – осклабился Блин, - они уже сто раз сами оделись, всю родню приодели. Да им товар поновее перепадает.

В одном из пакетов Блин обнаружил два флакона с остатками одеколона, полтюбика зубной пасты, бритвенный прибор.

- Держи, - протянул Василию, - ты скоро джентльменом станешь.

Женские и детские вещи Блин тщательно пересмотрел.

- Так, состирнем, прокипятим, отутюжим и продадим на рынке. Жаль, что нет женки ни у тебя, ни у меня. А то бы королевой нарядной ходила.

- Ну ты даешь! – Василий еще до конца не освоил ситуацию.

- Подожди, подожди! – плоское лицо Блина разругалось. – Следующий наш бросок к скатерти-самобранке.

Такой уж Блин человек основательный, всему любит давать свои названия.

«Скатертью-самобранкой» оказались три вместительных мусорных контейнера, расположенных во внутреннем дворе, куда выходили служебные двери нескольких продовольственных магазинов.

- Ну люди, ну зажрались! – возмутился Василий, увидев, как из металлического бачка Блин выудил две мороженые рыбины, нетронутую банку консервов с чуть вздутой крышкой, прозрачный мешок с крупой, где перемешаны были рис, греча, пшено и, похоже, овсянка.

- Обед будет знатный, - радовался Блин.

Три дня Блин, он же Руслан Рашидович Шалаев, посвящал Василия в тайны своего ремесла. Он показал ему все интересные точки, объяснил режим работы.

- Ты не думай, что ты один такой умный. Вокруг объектов целая шобла орудует. Но все люди наши, понимающие. Добра всем хватит. Это только новички дерутся.

Ранним субботним утром провожал Василий своего нового друга. На вокзале, как всегда, было неуютно. Хмурые небритые личности кружились возле чужих чемоданов, надрывно плакал ребенок.

- Надоел мне город, - Руслан пристально глядел в сторону, откуда должен был появиться поезд, - поеду к своим в деревню. Пять лет здесь болтался, где только не работал, а все нищим был. Только и хватало концы с концами свести. С последней работенкой подвезло здорово, - он любовно погладил два вздутых чемодана. – Вот гостинцев в деревню привезу, не стыдно!

- Так, может, поработали бы еще вместе? – Василий спросил как-то по-детски жалобно.

- Не, не могу больше. Ни кола, ни двора, вещи по разным углам у добрых людей хранил. А вот и мой поезд! – радостно воскликнул. – Ну, бывай, Вася!

И началась у Василия новая жизнь.

Он, как учил его Руслан, ко всем вопросам подходил основательно и серьезно. Вычертил график работы уборщиков гостиниц с точностью до минуты, просчитал количество прыжков до контейнеров, по вечерам тренировался, уж очень хотелось быть первым. Среди «работников» существовало негласное правило – добрался первым – снимаешь сливки, но не жадничай. Еще Василий смастерил себе легкую подставочку под свой рост, усовершенствовал крюки для захвата, приобрел вместительную болоньевую сумку. Удивительно, но он практически перестал выпивать. Его так разобрало новое занятие, что жалко было времени на пьянку, похмелье, а самое главное, ему хотелось, чтобы голова была ясной, а руки и ноги ловкими.

Впервые за последние годы он ходил сытым, в кармане шуршали денежки, и одет он был, как с гордостью говорил сам, «джентльменом». Кое-что из одежки он подбросил своим бывшим друзьям, но те, вот народ неблагодарный, пропили дары Василия в мгновение ока.

Больше всего Василию в новой работе нравилась неожиданность. Каждый новый день приносил сюрпризы. Однажды в пакете с пустыми банками обнаружил тяжелую серебряную ложку. В другой раз в кармане пиджака с оторванным рукавом – отличные швейцарские часы. Особенно много попадалось женского белья и колготок. Не любят, видимо, иностранки стирать! С этим товаром Василий сам не возился, отдавал бабкам на рынке за бесценок. Уж те стирали, белили, парили, а потом продавали по баснословным ценам. И ведь покупали наши дурочки, падкие до заграничных бирок и мулек.

Василий не жалел времени, исследуя новые и новые маршруты. Он узнал магазины, где продукты по непонятным причинам то ли прятались, то ли выбрасывались в мусорные бачки в большом количестве. То пол-ящика маргарина, то сетку с яблоками, то шмат чуть пожелтевшего сала притаскивал он торговкам. Сам на рынке он не стоял.

- Некогда, я человек занятой, у меня есть дела поважнее, - объяснял он бабкам, солидно, как министр своим подчиненным.

Лишь иногда предлагал знакомым, соседям что-нибудь вкусненькое в пол-магазинной цены. Как правило, на дешевизну клевали все, охотно веря в «секретное производство со спец-снабжением».

- Вы, Василий Леонидович, такой справный, гладкий стали, - заметила как-то Аделаида Никитична, наблюдая, как Василий заваривает себе кофе. – Прямо другой человек. Можно и жениться теперь.

- А что? – подумал Василий, прихлебывая обжигающий глоток черного напитка. – Может, хватит бобылем по жизни мотаться. Вон сколько женского тряпья через руки проходит, а так бы жену придел. Вскоре, смотришь, детишки пошли бы. Сыну передал бы права на свое секретное производство.

Он стал в памяти перебирать своих знакомых женщин. Продавщица Варвара? Перед глазами встал образ пышнотелой блондинки. Вот она лениво протягивает руку за чеком, отрезает кусок колбасы, плюхает на весы. Не дай бог, если кто-нибудь из покупателей ей что-то неприятное скажет! Так отбреет... Одна старушенция попыталась прошамкать про стрелку на весах, Варвара такую пулеметную очередь из матерных слов выпустила, что старушку, словно ветром сдуло. Она и про чек, и про колбасу забыла. Потом родственник старухи приходил, книгу жалоб требовал, говорил, что бабка от подобного бескультурья с приступом сердечным свалилась. Ох, и наржались они в подсобке. Василий тогда еще подхалтуривал на разгрузке товара.

Варвара с грузчиками держалась королевой. За мужиков не считала, могла без стыда колготки при них подтягивать, в жару без кофты шастать. Один новенький, шустрый грузила, увидев мощную, почти оголенную грудь Варвары, не удержался и попытался игриво к стенке прижать. Варвара рассвирепела, метнула парня, как гранату, на груды ящиков. Не поленилась, подошла, плюнула в угол, где барахтался неудавшийся кавалер.

- Ты, халд низкопробный, еще раз грабли распустишь, навсегда инвалидом останешься, - да еще смачно матюкнулась.

Нет, вот чего-чего, а матерных слов Василий не терпел. Покойная матушка, тихая, кроткая женщина очень его просила.

- Ты, Василек, не порть русский язык словесной грязью.

Что-то часто маменька вспоминаться стала. Не хотел он, а думалось, как последние свои годы лежала на кровати, отвернувшись к стене. Плакала, просила: « Не пей, Вася!». И глаза ее, некогда васильковые становились все белее и белее от слез, будто соленая водица вымывала первозданный цвет.

Варвару ни за что бы не одобрила матушка.

Катерина... Хорошая девка! Сколько вместе выпито. Какая она заводная! Поет, смеется, пока под стол не скатится. Первой красавицей слыла в их компании. Василий из-за нее много раз в кровь бился. Ревновал, как говорила сама Катерина, к каждому столбу. А три дня назад увидел на рынке и остолбенел: она ли это? Рыжие волосы упали сальными прядями на спортивную мужицкую куртку. Под глазом синяк, как не припудривала, а светился на бледном лице. Ноги – палочки в переплетении набухших вен на показ выставлены из-под мини-юбки. Стояла, подбоченьясь, куравом торговала.

- Касатик, а касатик, папироски не забыл купить? – не сразу признала подошедшего Василия. Потом загозила. – Ба, Петушок, ты таким фраером стал. Говорили люди, что ты в завязке, а я смеялась, не верила. Заходи, отпразднуем встречу, нашу любовь былую вспомним. Ради тебя всех мужиков нынешних выгоню, надоели! – она потрогала синяк под глазом.

- Некогда, Катя, дела! – важно произнес Василий.

- Смотрите, какие мы стали! – смешно надув губки, передразнила Катька. – Может, хоть пивком угостишь барышню?

Василий сунул руку в карман, нащупал несколько купюр и, не глядя, протянул женщине, с которой когда-то коротал время.

- Вася, Василек, - она даже имя вспомнила. А то все – Петухов, да Петухов! – Васенька! Ну, спасибо, ну уважил! – Катерина пошатнулась, хотела поцеловать Василия, да как-то неловко запуталась в своих ногах и свалилась прямо на мешковину бабки, что торговала рядом. Бабка взвизгнула:

- Ты, девка, голову потеряла, мужика приличного увидела и падаешь. Весь товар мой попортила, - она начала выковыривать из-под Катьки какие-то тряпки.

- Не шуми, Ивановна, щас отдохну и встану!

Екатерина лежала, бесстыдно раскинув ноги. Из-под юбчонки розовело нижнее белье.

Нет, не может быть подобная женщина Василию женой. Он в раздумье прошелся по комнате. Кто еще из женского пола есть рядом?

Светочка! Румяная толстуха с первого этажа. Он вспомнил, как в теплые летние вечера она и ее полуслепая бабка сидят на скамейке во дворе, семечки лузгают. Он, бывало, подрулит к ним, байки, анекдоты рассказывает. Светочка заливается. Ей хоть один и тот же анекдот рассказывай, смеется, как младенец. А то возьмет руку Василия, положит себе на грудь, а глаза заглядывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.